

*Светлой памяти безвременно ушедшего
друга, сыщика с большой буквы
Анатолия Окорокова посвящаю.*

Предисловие

В начале девяностых годов двадцатого столетия Главный информационный центр Министерства внутренних дел уже агонизирующего тогда СССР направил циркуляром с грифом «Для служебного пользования» в некоторые республики сведения о количестве убийств на душу населения в крупных и центральных городах не только Советского Союза, но и всего мира (в СССР эти данные до 1987 года были засекречены).

В этом списке Якутск занял лидирующее положение среди городов СССР и вошел в первую мировую десятку по количеству убитых людей на сто тысяч населения наряду с таким городом, как Кейптаун

(ЮАР), и другими криминогенными полисами Африки, Азии, Латинской Америки...

Власти республики засунули данную информацию далеко под сукно, дабы не всполошить и не напугать население страшными цифрами.

Для сравнения: за один год в Москве тогда совершалось чуть более пяти-сот убийств, а в Якутске — под восемьдесят (цифра однажды доходила до ста), не считая тяжких телесных повреждений со смертельным исходом, это при том, что население Москвы в пятьдесят раз больше населения столицы Якутии.

Даже когда в Москве во времена разгула бандитизма девяностых счет убийств пошел уже на тысячи, она была далеко позади Якутска по количеству убитых людей на душу населения.

На борьбу с этим страшным злом были брошены самые лучшие силы уголовного розыска. Немногочисленная армия... Нет, не армия, а горстка наиболее подго-

товленных оперативников днями и ночами выкорчевывала из людской массы эту нечисть под названием «убийца».

Наряду с суровыми мужчинами-сыщиками плечом к плечу трудную службу несли и представительницы слабого пола, называть коих слабыми никому и в голову не приходило. Они, эти скромные труженицы сыска, были сильнее сильных.

Эта повесть именно о таких людях.

ЗЛОВЕЩАЯ НАХОДКА

1

Поздняя весна. Снег сошел уже давно, но было по-осеннему прохладно, несколько дней не переставая дул северный пронизывающий ветер, заставляя горожан доставать теплые вещи из дальних уголков гардероба, куда они были засунуты по опрометчивости. Ведь люди полагали, что лето пришло окончательно. Но, увы.

В один из таких дней скончался Петр Синельников, шестидесяти пяти лет от роду, с виду не старый, еще крепкий и сильный человек, по профессии токарь. Покойный всю жизнь простоял у станка, три года назад ушел на заслуженный отдых, но, как это часто бывает, открылись старые болячки, и он, не сумев перебороть их, преждевременно ушел в мир иной.

На похоронах родные и знакомые тихо шептались, что усопший вполне мог жить и дольше, если бы не игнорировал врачей и вовремя начал лечиться, и что с его здоровьем подковы гнуть, а не в гробу «прохлаждаться».

Когда покойного выносили из квартиры, в узком проходе подвыпивший мужик неловко ухватился за днище гроба со стороны ног усопшего и нечаянно с грохотом уронил его на пол. Все присутствующие отметили про себя, что это дурной знак. «Топнул ногами, значит, вернется назад! Только за кем?» — встревоженно думал каждый из провожающих, желая побыстрее закончить ставшую зловещей церемонию похорон.

Для следования к месту захоронения директором предприятия, где трудился всю жизнь покойный, были выделены два автобуса-«пазика» — один в качестве катафалка, другой — для провожающих.

На кладбище по Маганскому тракту, расположенному на горе в северной части города, жена преставившегося — седовласая женщина благородной внешности в черном платке, — доселе державшая себя в руках, разрыдалась, когда мужчины закрыли и стали забивать крышку гроба гвоздями. Подруги потихоньку взяли плачущую вдову под локти и отвели в сторону.

Четверо мужчин, взявшись за длинные вафельные полотнища, приготовились опустить гроб в могилу, и тут кто-то из присутствующих воскликнул:

— Пойдите, там что-то валяется! Надо бы поднять...

При внимательном рассмотрении на дне могилы из-под песка действительно проглядывалось что-то черное.

Мужчины откинули полотнища в сторону, и один из них, тот, кто помоложе, ловко упершись за дощатые перекладки над могильной ямой, спрыгнул вниз.

Немного повозившись, он выкинул наверх женские вещи: черную кожаную сумочку, демисезонное пальто, сапожки. Мужчина не стал далее копаться в песке, быстро выскочил из ямы и, к ужасу окружающих, подрагивающим голосом объявил:

— Там может находиться и труп, надо бы вызвать милицию...

Наступила, в прямом смысле этого слова, гробовая тишина, которая через пару минут была нарушена душераздирающим воем безутешной вдовы.

Родственники покойного, немного посоветовавшись, переговорив с вдовой, которая была в полуобморочном состоянии и мало что соображала, решили вернуть гроб обратно в автобус и вызвать милицию.

Все начали быстро расходиться, с вдовой остались лишь родные и близкие, которые сели в автобус и скорбно ждали приезда милицейского наряда.

Старший оперуполномоченный по особо важным делам майор милиции Анатолий Евсеевич Обручев обедал дома, когда на пейджере высветилась цифра «2», означавшая, что необходимо срочно явиться на работу.

Тут же позвонив в дежурную часть УВД и узнав, что на кладбище обнаружен труп, Обручев, прервав свой обед, заспешил к выходу.

Новенький «Москвич-41» — чудо отечественного автопрома, мечта многих советских мужчин, приобретенный по целевому чеку после долгой очереди, — поблескивая своими темно-вишневыми боками, терпеливо ждал владельца возле подъезда. Опер сел в машину, и она, нежно заурчав мотором, плавно тронулась с места, неся хозяина в сторону Маганского тракта.

Тридцатитрехлетний Обручев работал в уголовном розыске более восьми лет, последние три года из них — в убийном отделе управления, или, как он говорил про себя, в «тяжах» — в подразделении, занимающемся раскрытием убийств и тяжких телесных повреждений со смертельным исходом, а также розыском криминальных исчезновений людей. В связи с тем, что начальник вышеназванного отдела находился на лечении, он исполнял его обязанности.

Обручев был одним из опытнейших сыщиков управления, начальство его уважало за вдумчивый и оперативный склад ума, все громкие дела поручались ему, и он справлялся с ними с присущими ему холодным расчетом и напористостью... Единственное, что мешало работе, — это постоянно донимающий его хронический насморк. Нос у Обручева был всегда немного припухший и оте-